

Вот он, как живой, стоит предо мною, этот «рыцарь без страха и упрека». Высокий, стройный, с красивым, открытым и приветливым лицом, общительный и простой, с орлиными, пронзительными глазами, внушавшими уважение к себе и приводившими в трепет тех, на кого он гневался. А гневаться он умел...

Мне пришлось пережить с ним многое. Вступили мы на путь дружбы при исключительных обстоятельствах — на военной службе, и с первого-же дня нашего знакомства подружались. Вместе терпели невзгоды, вместе подвергались лишениям и опасностям на войне, и я считаю себя вправе сказать, что трудно было сыскать более испытанного и надежного друга, чем он.

Кто мог сказать, что именно на мою долю выпадет задача писать о жизни и деятельности покойного друга. Тяжело мне писать о Иосифе Трумпельдоре, с которым я почти неразлучно провел более 15 лет. Тяжело еще потому, что я не намереваюсь здесь скрывать его ошибки и слабости. Да, он не мало оши-

бался; ошибался в людях, ошибался в практике жизни, ошибался и в своих силах...

Для Трумпельдора характерна была прежде всего его неутомимая энергия и жажда совершенства, поиски чего-то такого, что в сущности никогда не могло быть достигнуто. Но чем труднее был путь к недостигаемому, тем энергичнее он напрягал свои силы. А он в свои силы верил, верил в себя и в свою правду, а его правдой было — благо его народа. Компромиссы были ему чужды. Он строил планы, иногда фантастические, иногда вполне реальные, — и шел к цели прямо.

Многие удивлялись фантастичности его планов и их наивности, но это не была наивность, а какая-то особенная вера и порыв человека, всю жизнь жаждущего цельности и прямоты. Иные считали его догматиком, раздраемым рефлексией, лишенным — несмотря на все стремления, — подлинной цельности, человеком все таки оставшимся посередине между ассимиляцией и национальной идеей. Его называли «кающимся ассимилятором».

В известной мере это было так. В его национальной и сионистской работе чувствовалась какая-то оторванность от корней еврейства. Он говорил о своем народе, как идеалист, со стороны. У него не чувствовалось конкрет-

ной связи с историческим еврейством и его традициями. Но это было потому, что он действительно вырос в необычайной обстановке, вдали от еврейской среды, вне черты еврейской оседлости и пришел к национальному еврейству не в силу воспитания, среды и традиции, а силой идеалистических влечений и тоски по национальной цельной жизни. Но эта сила была в нем внутренняя, прочная, крепкая. Человек исключительных способностей, редкого обаяния, железной воли и неотомимой энергии, он, прийдя к своему народу из ассимилированной среды, отдал народу все свои силы, отдал самую жизнь, пав при защите границ его страны—Палестины. Добровольно наложив на себя великие тяготы, он шел радостный на служение народу, как идут на празднество, и своею радостью воодушевлял других.

* *
*

ПЕРВАЯ ВСТРЕЧА

Был конец ноября 1902 года. Стояли сильные морозы. 76-ой пехотный Кубанский полк, в котором я служил, квартировал в г. Тульчине, Подольской губернии. Городок был маленький, грязный, бедный. Единственным источником заработка для жителей был полк.

Я только что вернулся из отпуска. Было раннее утро. Едва я добрался до Красных казарм (я служил в 13-ой роте) и перешагнул порог, как фельдфебель тщательно стал меня обыскивать. Я был крайне поражен. Но товарищи мне объяснили, что с приходом новобранцев стали исчезать из казармы винтовки, а посему пошли такие строгости. Я узнал также, что в 1-ой роте уже пятая винтовка украдена и что подозрение падает на одного новобранца с Кавказа. Новобранец этот — «интеллигент», зубной врач, «славный парень», как мне передавали, высокий, красивый. Русские говорят, что он еврей, еврей от-

рицают это, так как он ничуть не похож на еврея. Некоторые же шутили: он не русский и не еврей, а просто чужак, ибо, имея все права привилегированного, он исполняет все черные работы обыкновенного солдата: чистит двор, ватерклозеты, моет полы, работает на кухне и ест из общего котла.

Прошло несколько недель. Однажды ночью я стоял на внутреннем посту. Смотрю, кто-то приближается ко мне. Я окликнул: «кто идет?» Последовал ответ, что фельдфебель 13-ой роты. Я его подпустил к себе. Думал я, что он спросит по обыкновению, по казенному, все ли благополучно и, уйдя, пообещает скоро прислать смену. Но фельдфебель вдруг шопотом стал мне рассказывать, что только-что арестовали таки этого кавказца, зубного врача, так как вполне доказано, что это именно он крал винтовки. — «Кем же это доказано?» — любопытствовал я. — «Как же, сам командир полка арестовал его, это не шутка». — «Что же ему может быть за такой поступок?». — Ответ был краткий: «Смерть». Фельдфебель удалился. Какое-то особое волнение овладело мною, какое то болезненное желание повидать его, этого преступника, узнать, еврей-ли он действительно, и спросить у него чистосердечно, замешан-ли он в этой

тайнственной краже винтовок. Не может быть, — подумал я, — чтобы он участвовал в этой темной истории. Нет, это просто поклеп, навет на него, на нас всех, евреев-солдат 76-го пехотного Кубанского полка. Не дай Бог, если его осудят...

Пришла смена, я передал пост и ушел в казарму. На завтра только и разговоров было в казармах, что о нем, но фамилию его никто не мог назвать. Русские злорадствовали над нами, евреями: жид, мол, везде богатеть хочет...

Вдруг нам об'являют, что в 10 часов утра будет смотр новобранцам, а еврейский мальчик из городка будет опознавать того солдата, которого он видел около турецкой пекарни еще с одним солдатом, которому он рассказывал об украденных винтовках. Зрелище было не из обыкновенных: 500 солдат стоят в струнку и не дышат; впереди идет чумазый еврейский мальчуган, лет 13, руки заложив назад, а за ним полковник и прочие обер- и штаб-офицеры. Мальчуган пристально смотрит на солдат, ища кого-то, — но никого не находит. Нет здесь того солдата, которого он видел около пекарни, — заявляет он. Командир полка советует ему еще раз обойти ряды — может быть, он кого-нибудь пропустил.

Мальчик вторично проходит по рядам новобранцев. Мы стоим в стороне и ждем, что будет. Вот он подходит к «зубному врачу»; вот, кажется, он ткнет пальцем и скажет: да, это он, тот самый... Но гроза прошла мимо, мальчик даже не замечает этого солдата. У нас отлегло от сердца. Еврейская честь восстановлена. Его, арестованного, сейчас, по всей вероятности, выпустят из гауптвахты, — подумал я. Но оказалось иначе: всех новобранцев отправляют по ротам, а его, «виновника», под конвоем ведут обратно на гауптвахту. И тогда я впервые увидел его — красивого, высокого, с благородной осанкой юношу, с привычкой, повидимому, держаться прямо. Плечи и грудь широкие, руки длинные, лицо продолговатое, улыбающееся, открытое и симпатичное, глаза строгие, пронизательные.

Все дело очень скоро кончилось ничем. Никаких оснований к обвинению «зубного врача» в краже винтовок абсолютно не было. Было совершенно непонятно, почему подозрение пало на него. Приехавший из Винницы в Тульчин военный следователь быстро напал на верный след, и арестованного освободили.

Мое личное знакомство со странным новобранцем началось через несколько дней после описанного мною смотра. Он сидел, еще тогда

в заключении, а мне довелось быть часовым на гауптвахте. Тогда-то мне и удалось крадучись говорить с ним. Я узнал, что его фамилия Трумпельдор, что он еврей с Кавказа, из Пятигорска, по профессии дантист, что служит он, как солдат по набору, и что он — сионист.

Однако, настоящим образом познакомиться с ним пришлось мне лишь значительно позже — на маневрах, когда весь полк находился в лагере, и мы могли ежедневно в свободное от занятий время встречаться. Знаменитый Меджибовский военный плац, на котором маневрировал весь киевский военный округ, был местом первой встречи моей с Трумпельдором. Помню, как теперь, — это было в августе 1903 г. Мы оба лежали, вытянувшись во весь рост на земле, внутри маленькой походной палатки, — и он излагал мне план сионистской работы среди евреев солдат нашего полка, — когда полк вернется на зиму в Тульчин. Надо, — говорил он, — организовать кружок, который имел бы две цели: культурно-просветительную и трудовую. На вопрос, что такое трудовая цель, он ответил:

— Мы должны использовать военную службу для сельско-хозяйственной подготовки, и можем это сделать очень легко. Ведь

полк два раза в году уходит на вольные работы: летом, во время уборки урожая, на полевые работы, и осенью — на свекловичные плантации для уборки свеклы. Эти работы были-бы чудесной школой для нас, и мы, еврей-солдаты, должны также ходить на эти работы, а не поступать, как до сих пор, когда евреи оставались в полку нести гарнизонную службу. Это и некрасиво и нецелесообразно для нас, сионистов. Мы обязаны за 3—4 года военной службы подготовиться к земледельческому труду, научиться пахать, косить, вязать, жать, работать при машинах и проч. и проч., чтобы затем, после окончания военной службы, быть полезными родной стране, Палестине. — Так мечтал юноша Трумпельдор в 1903 году.

Мы вернулись в Тульчин. Был сентябрь. Погода еще стояла хорошая. Полк наш готовился к осенним работам и пока никаких занятий не производилось. Мы были свободны. Трумпельдор уже считался старослужащим и пользовался свободой. Он сразу-же взялся за работу по организации сионистского кружка среди солдат. Он собрал инициативную группу и изложил ей свою программу. Программа его была нами принята; был избран комитет из трех лиц, в их числе Трумпельдор, в качестве

председателя. Уже на завтра он созвал новоизбранный комитет и предложил ему провести начала его плана, а именно, чтобы раньше всего члены комитета, а затем и члены кружка отправились на осенние работы по уборке свеклы вместе со всем полком. Но этим планам не дано было осуществиться. Надвинулись события на Дальнем Востоке, и пришлось собираться на другую, кровавую страду — на войну, в Порт-Артур.

172 человека выбрали у нас для отправки в Порт-Артур на сформирование 27-го Восточно-Сибирского стрелкового полка. Среди назначенных к отправке был и Трумпельдор. Но однажды он явился ко мне с новостью: его исключили из числа 172. Он был очень расстроен. Но, — заявил он, — он будет всячески добиваться, чтобы его опять включили в число отправляемых; он уже был у адъютанта полка, который посоветовал ему подать докладную записку дивизионному генералу, который должен на днях прибыть в Тульчин. Так он и поступил. Приехал дивизионный генерал. На смотре отъезжающим Трумпельдор обратился к генералу, рассказал ему всю историю своего назначения в Порт-Артур, а затем своего исключения из списка и просил его вновь включить его в число отпра-

вляемых, как добровольца. Генерал обратил внимание на его фигуру, потрепал его по плечу и обратился к командиру полка с вопросом, по какой причине исключен такой brave солдат. Полковник — тот самый, который зимою арестовывал Трумпельдора — ответил генералу, что именно потому, что Трумпельдор brave солдат, он решил оставить его в полку и послать его в учебную команду, а по окончании военной школы произвести его в взводные унтер-офицеры. Тогда генерал спросил Трумпельдора, что он предпочитает: быть ли унтер-офицером или отправиться в Порт-Артур. Трумпельдор повторил свою просьбу об отправке на Дальний Восток. Генерал распорядился о зачислении его в число «избранных». И Трумпельдор вместе с нами стал усиленно готовиться к отправке.

Таким образом очутились мы, — Трумпельдор и я, — в одной роте. Время шло быстро; пришел день отправки. На «проводах», которые устроил нам полк в присутствии дивизионного генерала, мы почувяли, что в серьез пахнет порохом. Но Трумпельдор не унывал, и его веселость и оптимизм передавались и нам. Жизнерадостность вообще не покидала его ни при каких обстоятельствах. Во время нашего длинного путешествия по дороге на

Дальний Восток, по великому сибирскому пути, он старался внести интерес и содержание в это путешествие. Так, когда мы достигли Самары — это было ночью, — он собрал нас, евреев, в угол вагона (нас было трое: он, я и еще один товарищ, который потом в Порт-Артуре пропал без вести) и предложил нам обсудить «план» работы. Вот, — говорил он, — мы проедем всю Сибирь, по городам и деревням которой разбросаны маленькие еврейские общины; их обследованием мы и должны заняться. Это для нас доступно, потому что по маршруту наш эшелон должен ехать до Порт-Артурса дней 45, и каждый день он будет стоять в каком-нибудь городе. Схема нашей работы должна быть установлена приблизительно так: выяснить число душ в каждой общине; имеется-ли школа, хедер, Талмуд-Тора, синагога, раввин (духовный, общественный), шохет; существует-ли сионистский кружок, библиотека, читальня, выписывают-ли еврейские газеты и т. п.

Когда мы перевалили через Байкал, Трумпельдор изменил свою «схему» работы. Здесь — говорил он — нет евреев, а если и имеются, то очень мало; а посему займемся тем, что будем изучать природу, жизнь бурятов, монгольских племен, населяющих Забайкалье, узнаем

их обычаи, нравы, религию; они ведь занимаются скотоводством, а это пригодится и нам в Палестине. Мы приближались к Порт-Артуру. И у Трумпельдора возникает новая мысль. Хотя до Порт-Артура осталось сравнительно мало пути, но все же нам хватит достаточно времени, чтобы познакомиться хотя бы поверхностно с тем народом, с которым нам придется сталкиваться в Порт-Артуре, — с китайцами. — И как испытывающий жажду набрасывается на воду, так Трумпельдор взялся за это дело. За короткое время он много узнал, многому научился. Таким образом доехали мы до Порт-Артура, где начинается новая страница его жизни, — страница военная.